

***Смирнова Галина Николаевна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Участники молодежной команды проекта «Я из прошлого протягиваю мост» Коминцева Татьяна и Ирина Носова пришли в гости к милой, доброжелательной женщине Смирновой Галине Николаевне. Ей 77 лет.

«Она сразу же нас встретила теплыми словами и ватрушкой с творогом. Как оказалось, она очень любит готовить и кормить. Она нам рассказала свою увлекательную историю о своей непростой и удивительной жизни».

«В ПАМЯТЬ О МОИХ РОДИТЕЛЯХ И БРАТЕ...»

До Великой Отечественной войны наша семья Смирновых (папа, мама, десятилетний брат Боря и я, Галя, 6 лет) жили в доме Угловая по ул. Энгельса и 2-ой под Дубками в городе Слуцк – так тогда назывался Павловск. Брат учился в школе, я ходила в детский сад, который находился на Швейцарских горках. Дом

На фото мой отец Николай Александрович и Любовь Ивановна Смирновы, брат Борис, 1933 год.

этот исчез во время войны. Совсем близко от нашего дома была водокачка на площади пяти углов или Мариентальской, где всегда продавалось очень вкусное мороженое. На нашей улице всегда было тихо и спокойно, мало людей, но как только объявили войну, началась суматоха. В разных направлениях куда-то все спешили. Позже стали летать немецкие самолеты. Они опускались очень низко и безнаказанно расстреливали людей. А еще позже, когда наши войска начали отступать, на нашей улице Энгельса

появилось много простых солдат. Усталые, они сидели на канавах, свесив ноги, обутые в ботинки и черные обмотки. Я ходила возле дома и смотрела. А фронт приближался. Постоянно слышался грохот разрывов, рокот самолетов...

Наш отец работал в ремонтных мастерских Витебского вокзала. Каждый день, уезжая на работу, он увозил к родственникам в Ленинград какие-то пакеты, приготовленные мамой. Собирались уезжать в Ленинград, но мама все тянула с отъездом, надеясь, что немцев не пустят в город. В очередной раз папа приехал, а уехать или уйти пешком было уже невозможно. Осада города была страшная, но где-то надо было спастись, и мы пошли к дворцу. В подвале дворца, под парадной столовой, со стороны славянки, у галереи Гонзаго, есть вход. Мы хотели туда зайти, но подвал уже был набит народом. Нам оставалось стоять у входа. Сколько времени (дней-ночей) мы там находились, я не знаю. От бомбежек все содрогалось: и земля, и сердца. Мой брат страшно переносил это: мама накрывала его подушкой, одеждой, чтобы он не слышал этого грохота.

**На фото мой отец
Смирнов Николай
Александрович,
22 августа 1940 год**

И вот наступила тишина. Открывается дверь подвала и, нацелив стволы автоматов, входят немцы. Следом за автоматчиками зашел и офицер в черной шинели и фуражке с кокардой¹ и высокой тульей². Он встал на пороге и приказал: «Всем выходить!». В подвале были раненые бойцы. Ходячих постарались переодеть в гражданскую одежду, но были и лежачие. Их участь была решена. Через парк мы шли к своему дому и видели лежащих убитых солдат, защищавших наш город.

Дом наш оказался цел и стекла тоже. В этот день или на следующий было объявлено, что все мужчины 15 лет и старше должны явиться в комендатуру и зарегистрироваться. Наш отец пошел и я с ним. Но на мостике через канаву в конце нашего дома он меня оставил, сказав: «Я скоро вернусь». Но этим «скоро» оказалось «навсегда». Он был одет в распахнутое черное пальто, без головного убора, в черных хромовых русских сапогах. Я стояла и смотрела ему вслед, пока он совсем не исчез с горизонта. Никого не отпустили. Всех погнали пешком в село Рождествено Гатчинского района. Об этом мы узнали позже. Уже началась зима. Один из павловчан смог убежать, когда их возили в лес на заготовку древесины. Он передал записку папы, в которой он написал, что у него пухнут ноги...

Наша мама ждала третьего ребенка и время, видимо, подходило к концу беременности, но она все равно решила идти в Рождествено спасать отца. Нас она оставила дома, где мы жили. Все остальные жильцы куда-то исчезли. Мама вернулась. Сколько она отсутствовала, я не знаю. Это был такой риск и для нее, и для нас с братом. Отца не отпустили. Она его видела и разговаривала. Через

¹ Кокарда (от фр. cocardes, «петушиные перья») — особый металлический или матерчатый знак на головном уборе (иногда крепится на плечо, бедро, голень и другие части тела). Представляет собой ленту (или розетку из лент) одного или нескольких цветов, круглую или овальную эмблему, штампованную или вышитую, часто снабжённую дополнительными символами. Цвета и символика кокарды обозначают принадлежность к той или иной стране, роду войск или политической фракции.

² Основная, верхняя часть шляпы, шапки, фуражки.

проволоку. Это была вторая половина декабря 1941 года. Отец погиб в этом в этом лагере.

*Бараков цепи, песок скрипучий,
Колючкой огорожены кругом,
Как будто мы жуки в навозной куче
Здесь копошимся,
Здесь мы и живем.
Чужое солнце всходит над холмами,
Но почему нахмурилось оно?
Не греет, не ласкает нас лучами –
Безжизненное бледное пятно.*

Муса Джамиль³

Вскоре по возвращению из Рождествено мама родила мальчика. Он был беленький и с белыми курчавыми волосиками. Наш папа был курчавый. Мама была голодна, у нее совершенно не было молока, чтобы кормить малыша. Она что-то нажевывала ему в тряпочку сосать. Он прожил 3 месяца. Простудился и умер.

Однажды, когда мама ушла в Рождествено, мы с братом сидели, прижавшись спинами к круглой печке, которая топилась. Брат на угольках поджаривал очистки от картошки в мундире. Мы едим хрустящие очистки. Я

**На фото я с братом
(примерно 1938 год).**

³ Татарский поэт, погиб в лагере в поселке Рождествено, в котором погибло не менее 7 тысяч людей.

что-то рисую в альбоме. Вдруг вижу, что брат мой закатил глаза и валится на бок. Я быстро оделась и пошла на улицу.

Через дорогу напротив нашего дома стоял серый двухэтажный дом, в котором жили немцы-солдаты. Возле входа всегда патрулировал часовой с автоматом на ногах (сапоги-корзинки из прутьев, так как стояли сильные морозы). Я к нему подошла. Не помню, что я ему говорила, но он, видно, понял, что я прошу еду. Он ушел в дом и вынес мне полбуханки хлеба и большую сырую картофелину. Я пришла домой. Брат к тому времени пришел в себя. Это был голодный обморок. Я это уже понимала. Брат нарезал хлеб маленькими кубиками. Хлеб у простых солдат-немцев был с опилками. И мы опять сидели у печки и ели хлеб... Я брала кусочки двумя пальчиками и говорила: «Как вкусно, как пирожное, как до войны...».

Ближе к весне в наш дом попадает дальнобойный снаряд от наших бойцов. Артиллеристы метили в дом с немцами напротив нас, а попали в наш. Дом разрушился. Мы перебрались в дом у пяти углов, у оврага, здесь было ближе прятаться в трубу под мостиком, когда начинался обстрел. Потом и в этот дом попал снаряд, и мы перебрались в дом у водокачки, напротив этого дома.

Уже было лето 1942 года. Была трава, а это была пища. Тогда большую группу людей (и женщин с детьми, и стариков) экстренно вывозят на грузовых машинах на окраину города Гатчина в пересыльный лагерь...

Двумя сторонами территория лагеря примыкала к складу боеприпасов и к лагерю для военнопленных, с третьей стороны вдали виднелся лес, а с четвертой – поле. Здесь же были ворота выезда. Территория была огорожена колючей проволокой в три ряда, у ворот стояло 2 вышки с часовыми. Два барака – это большие сараи из досок с двустворчатыми воротами. Вероятно, это были раньше летние конюшни. Посреди барака у входа была большая плита, которая томилась углем днем и ночью, но тепла не было. Пол – земля. Двухэтажные нары. В чем ходили, в том и спали. Кормили два раза. Приезжала полевая кухня. Утром – кофе суррогатный и что-то еще, не помню. Второй раз – баланда⁴ из кукурузы. Она быстро остывала, оседая тонким слоем кукурузы, а остальное – вода. Если нет

⁴ Густой невкусный суп (разг. - жарг.)

емкости для пищи, то ничего не получишь. Еще на территории был одноэтажный домик – лазарет. Раньше, видимо, служил для маленьких жеребят.

Взрослых увозили на ремонт дорог, а дети грелись у плиты. Старших мальчиков и мой брат, в том числе, зимой расчищали аэродром и им за это давали по ½ буханки хлеба.

Так как одеты мы были плохо, а зима 1942-1943 года была суровая, мы жутко мерзли, да и голодные были. Я заболела крупозным воспалением легких. Меня поместили в лазарет. Врач – женщина, русская, лечила меня. Лекарства давали немцы. Я поправилась, но вернуться в холодный барак – это... Мама попросила врача поддержать меня в лазарете подольше. Врач сказала, что скоро будут отправлять большую партию и надо постараться попасть в нее. Надо уехать из лагеря. Мы попали в эту партию. Это был март или апрель 1943 года. Нас везли в товарных вагонах, как скот. И вот на станции Красные Струги Псковской области состав остановился. Людей стали развозить по деревням на лошадях, запряженных в сани. Поля были покрыты снегом. Привезли нас в деревню Краснодубье Порховского района. В лагере мы были рядом с Верой Беспаловой и ее детьми: Светланой и Валерием. И теперь оказались в одной деревне.

Староста нас поселил к одинокой хозяйке, но она оказалась очень злой. Мы прожили у нее до 1944 года. Мама пролила много слез из-за нее. Она попросила старосту переселить нас в другой дом, были и очень хорошие и добрые люди. Надо было как-то кормиться. Мама умела шить и стала этим ремеслом зарабатывать на продукты.

В 1944 году Псковщина была освобождена. При отступлении немцы старались все сжечь и уничтожить. Вся деревня спаслась в лесу. Враг изгнан. Уже осенью 1944 года открыты школы, дети пошли учиться. Я и Валера ходили в школу за 3 километра – в Коломну, а Боря и Светлана за 10 километров. Им пришлось жить там, в деревне Павы.

После окончания войны мы вернулись в Ленинград в 1946 году. По возвращению наша жизнь началась с нуля. Мы все потеряли: отца, жилье, многих близких и родственников.

В этой суровой войне погибла вся семья моего отца: его брат на Белорусском фронте, сестра с мужем и ребенком умерли в блокадном Ленинграде.

20 декабря 2011 года умер мой брат Борис на 82 году жизни.

P.S. Перенесенный голод в первый год войны и в лагере очень сильно отразился на моем здоровье и здоровье моего брата. Мы были очень истощены. Брата долго ребята звали зеленым, а я до 16 лет состояла на учете в тубдиспансере. Несколько раз была в санаториях. К детям, прошедшим через войну, страна относилась внимательно и заботливо: нас лечили, спасали поколение, оставшееся в живых.

Воспоминания записала и оформила

Татьяна Коминцева

2012-2013гг